

УДК 82

**ПУТЬ «ОТ СМЕРТИ К ЖИЗНИ»
 («ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
 И «ОТЛУЧЁННЫЙ» С. ЛАГЕРЛЁФ)**

© 2016 г.

О.С. Сухих

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 17.06.2016

Рассматриваются романы «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Отлучённый» С. Лагерлёф. Целью исследования становится выявление с помощью сравнительно-типологического метода существенных параллелей в философско-этической проблематике произведений, в характерах героев, в изображении их эволюции. Делаются выводы о том, что в произведении С. Лагерлёф дано художественное переосмысление многих проблем и идей романа Ф.М. Достоевского. В частности, это касается понимания сути христианской этики, соотношения категорий справедливости и милосердия, проблемы духовного возрождения личности, трактовки любви как воскрешающей силы. В образе главного героя романа С. Лагерлёф отмечаются черты обоих центральных персонажей «Преступления и наказания»: Раскольников и Сони Мармеладовой.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, С. Лагерлёф, христианство, милосердие, этика, преступление, духовное возрождение.

Имена Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф в истории литературы приобрели определённый знаковый смысл: стали для многих читателей и критиков своеобразными символами двух литературных традиций – русской и шведской. Исследователями уже рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия последних [1–6]. В творчестве С. Лагерлёф читатель может увидеть своеобразное преломление различных тенденций и идей мировой, в том числе и русской, литературы [7, 8]. Писательница во многих своих произведениях художественно переосмысливала идеи Ф.М. Достоевского, в частности в романе *Bannlyst*, в концепции которого, как уже отмечалось в отечественном литературоведении [9, 10], можно увидеть серьёзное влияние творчества этого писателя.

Название произведения в переводе Е.Н. Благовещенской 1924 г. – «От смерти к жизни», но это, скорее, выражение одной из главных идей произведения, а не перевод слова «*Bannlyst*», которое означает человека, отвергнутого окружающими (отлучённого, отверженного, изгнанника и т. п.); отечественные исследователи, ведя речь об этом романе, называют его «Отлучённый» [7, 9, 10]. Стоит отметить, что оба упомянутых варианта названия романа С. Лагерлёф («Отлучённый» и «От смерти к жизни») вызывают ассоциации с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского, герой которого сначала «как будто ножницами отрезал» себя от ближних, а впоследствии прошёл путь к новой жизни.

В произведениях обоих писателей ключевое значение приобретает **тема гуманизма**: и там, и здесь ставится вопрос о праве человека на милосердие и о путях искупления вины.

В экспозиции к роману «Отлучённый» / «От смерти к жизни» читатель узнаёт о трагическом и страшном прологе истории, которая будет развиваться в дальнейшем и в ходе которой герои пройдут испытание на способность понимать и прощать других. Участники полярной экспедиции, попав в экстремальную ситуацию и погибая от голода, питались мясом своего же товарища, покончившего с собой, и среди этих людей был Свен Эльверссон, главный герой романа. Он оказался «отверженным», когда окружающие узнали о его грехе от священника Ронге, который рассказал эту историю во время проповеди. У последнего двойственное отношение к собственному поступку: с одной стороны, он понимает, что обрёл человека на тяжёлую судьбу изгоя, практически отлучил его от церкви и общества, но, с другой стороны, он не может справиться с отвращением к «людоеду», как впоследствии и все его прихожане. В проповеди Ронге использовал историю Свена Эльверссона для подтверждения одной из своих мыслей. Он вполне мог не делать этого, тем более что и тема проповеди была иной, и обязанность священнослужителя – помочь человеку, а не отталкивать его. Но долг противоречит чувству Ронге – неприятию безобразного, отвратительного поступка, и чувство оказывается силь-

нее долга. А в результате вся семья Эльверссон больше не приходит в церковь, а Свена окружающие не принимают: кто-то сторонится его, а кто-то даже начинает травлю. Это отношение к человеку, совершившему нравственное преступление, представляется всем вполне справедливым с точки зрения официальной религии, и складывается парадоксальная ситуация, когда религиозные устои, понимаемые таким образом, приходят в противоречие с принципом милосердия. Не случайно матушка Эльверссон говорит об кружающих: «Сердца их так полны веры и справедливости, что в них не хватает места для сострадания» [11, с. 24]. Вся история главного героя показывает, что **справедливость, исключая сострадание, оказывается направленной против человека, а значит, утрачивает нравственный смысл и отдаляется от христианства.**

Свен Эльверссон сначала пытается смягчить сердца людей своим смиренным поведением, но это не меняет ситуации, затем он хочет как бы заново войти в социум с помощью добросовестной работы, но и это не помогает. Символом бесплодности попыток героя восстановить прежние отношения с миром становится пожар, уничтоживший школу, которую он построил и в которую дети не хотели ходить из-за суеверного страха перед «людоедом». Наконец, Свену Эльверссону приходит в голову, что отвращение людей к нравственному преступлению – это нормально, даже полезно, и он начинает видеть свою миссию в том, чтобы собственным примером удержать других от порока, убедить в необходимости праведного пути. Например, он использует всё своё красноречие и всю силу логики и трезвого расчёта, чтобы уговорить убийцу сознаться в преступлении. С другой стороны, ещё одна возможность что-то исправить в мире – это помощь обездоленным: бродягам, сиротам – для них «отлучённый» организует приют в Хонгере. Таким образом, герой видит в качестве искупления своего греха именно *служение людям.*

Персонажи Достоевского, оказавшиеся в похожей ситуации: Раскольников, Митя Карамазов – *видят искупление в страдании.* Кроме того, Митя принимает на себя страдание даже за всё человечество. В его сне образ несправедливости мира – это плачущий ребёнок: «В важных и откровенно символических словах, обращенных к Алеше перед судом (“Гимн и секрет”), где Дмитрий провозглашает свою готовность отправиться в Сибирь, в ссылку, на каторгу, слово “дítě” означает уже не просто униженных и оскорбленных в России, но всех людей» [12]. И этот сон убеждает героя принять приго-

вор, ведь кто-то должен пострадать «за дитё», за всех безвинно мучающихся: «За всех пойду, потому что надобно кому-то и за всех пойти» [13, т. 15, с. 31]. Митя верит, что его страдание, которое он заслужил не убийством, но другими поступками, уравнивает несправедливость мира. Свен Эльверссон напоминает его **стремлением послужить человечеству и обратить собственные страдания на благо других людей.** Объединяет этих героев и то, что оба фактически страдают *без вины*, ведь они не совершали преступлений, которые им приписывают. Притом герой С. Лагерлёф даже сам не знает о собственной невинности (правда становится известна лишь в конце романа из письма английского моряка, который кается: он и его товарищи убедили Свена Эльверссона в том, что и он принял участие в людоедстве, а тот из-за тяжёлой болезни не помнил, что в действительности не делал этого). Митя же, конечно, изначально осознаёт, что невиновен в отцеубийстве, хотя у него и нет доказательств. Возможно, именно поэтому он сомневается, что может до конца пройти путь страданий, и всё-таки задумывается об избавлении от них – о побеге.

Что же касается Раскольникова, то и этот герой, несмотря на свою «наполеоновскую идею», в определённой мере *жертвует собой* ради блага других: вполне осознанно идёт на моральные страдания. Хотя он вроде бы сам признаёт, что делает это для себя, чтобы убедиться в силе своего характера, но в то же время называет это лишь первым шагом к цели, которая проясняется в его диалоге с Соней: «власть над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» – единственное средство изменить жизнь таких, как Полечка, страдающих и бесправных, а для этого можно пойти на преступление. «Кровь по совести» ради благой цели – это для главного героя принесение в жертву и другого человека, и одновременно себя. В отличие от Раскольникова, Соня воплощает в себе чистое самопожертвование. В герое же С. Лагерлёф **воплотились черты и Раскольникова, и Сони.**

С одной стороны, Свен Эльверссон, как и Раскольников, считает, что отделил себя от окружающих и теперь обречён на одиночество; он, как и герой Достоевского, мучается от осознания собственного преступления (ведь субъективно он считает себя преступником) и принимает его последствия как должное. Общность с Раскольниковым проявляется в нём и тогда, когда он решает послужить обществу и восстановить справедливость – принудить жестокого убийцу Лампрехта к признанию в преступлении. Лампрехт ставит перед ним условие: Свен должен устроить судьбу его дочери – жениться

на ней, хотя у неё плохая репутация, а кроме того, герой влюблён в другую женщину. Обдумывая эту ситуацию, он приходит к выводу в раскольниковском духе: «Тот, кто желает властвовать над другими, всегда должен быть готов к тому, чтобы распять самого себя. Да, меньшим не отделаешься» [11, с. 73]. Раскольников, предвидя собственные страдания, сознательно идёт на эту жертву, чтобы в итоге с помощью власти «над муравейником» изменить общество к лучшему. Свен Эльверссон хочет иной власти: он стремится психологически управлять Лампрехтом, хочет спровоцировать преступника на поступок, который не выгоден последнему лично, но нужен обществу. Это своеобразная манипуляция сознанием – тоже род власти над личностью. И Раскольникову, и герою С. Лагерлёф приходится согласиться на определённое самопожертвование ради цели, которая им представляется высокой (правда, последнему не суждено было до конца пройти такой путь, так как этого не захотела дочь Лампрехта, но сам он сделал выбор, когда согласился на условие преступника).

С другой стороны, кроткая, всепрощающая улыбка Свена Эльверссона очень напоминает отношение Сони Мармеладовой к людям и к миру вообще. Сонечка в романе Ф.М. Достоевского страдает не столько из-за отношения к ней со стороны общества, сколько из-за того, что сама считает себя низким человеком, преступницей. То же самое переживает героиня романа С. Лагерлёф, именно поэтому он так смиренно себя ведёт, не защищается от оскорблений, не осуждает тех, кто против него настроен, и всё время ждёт неприятия со стороны окружающих. В обоих случаях получается, что люди считают воплощением греха, преступником того, кто нарушил нормы морали не по собственной воле, а в силу обстоятельств. Люди, которые отнюдь не близки к нравственному идеалу: квартирная хозяйка Мармеладовых, соседи Эльверссонов и т.д., – считают себя вправе проявлять отвращение и даже агрессию по отношению к тем, кто, с их точки зрения, более грешен, чем они, поскольку совершил более вызывающий поступок. При этом они не осознают, что сами этим нарушают один из христианских принципов: «Не судите, да не судимы будете». Людям кажется, что они отстаивают справедливость, осуждая грешника, но и Ф.М. Достоевский, и С. Лагерлёф показывают, что такая справедливость, которая исключает милосердие, крайне далека от христианской этической доктрины.

В обоих романах величайшее значение приобретает **вопрос о возможности духовного**

возрождения человека – с этой точки зрения название произведения С. Лагерлёф в переводе Е.Н. Благовещенской «От смерти к жизни» подошло бы в качестве подзаголовка к «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского, который пишет о своих героях, «убийце и блуднице»: «Их воскресила любовь». Любовь Раскольникова стала для Сонечки возможностью вновь почувствовать себя человеком, женщиной, достойной высоких чувств; любовь Сонечки позволила Раскольникову увидеть путь к тому, чтобы «кончилась диалектика, началась жизнь». Однако психология Раскольникова такова, что ничьё воздействие на него не могло бы поколебать его убеждения, если бы в самой его натуре не было христианского начала, которое с первых же страниц романа проявляется в эмоциональном строе личности героя и противостоит теории «крови по совести». Сонечка, говоря метафорически, подсказала дорогу, но идти ли по этой дороге, герой решал сам, и внутренний конфликт – столкновение его природы и идеи – стал важнейшим фактором принятия этого решения; освобождение природы от власти идеи воскресило человека для новой жизни. В произведении С. Лагерлёф ситуация «воскресения» построена совершенно иначе, поскольку преступление, в котором был обвинён Свен Эльверссон, не мотивировано никакой философской идеей. Кроме того, концептуально важным является и то, что герой страдает за *мнимую* вину. Очевидно, писательнице было важно подчеркнуть ту мысль, что путь страданий, смирения и преодоления себя может в любом случае сделать человека лучше и чище, – это мысль, близкая Достоевскому. В романе «Отлучённый» / «От смерти к жизни» герой постепенно отказывается от стремления вернуть прежние нормальные отношения с людьми и приходит к тому, что всё это не важно. В конечном итоге он перестаёт бороться за восстановление своего социального статуса, своего «имиджа» в глазах окружающих, а начинает просто делать добро, действовать абсолютно бескорыстно, помогать нуждающимся и отверженным. И именно тогда он обретает утешение во взаимной любви к Сигрун, восстанавливает внутреннюю гармонию и спокойствие. Наконец, ещё одна ступень к моральному воскресению героя – это проявление милосердия не только к бродягам и «отбросам общества», но даже к умершим. Он узнаёт, что не совершал приписанного ему преступления, и освобождается от груза вины именно тогда, когда защищает тело погибшего английского моряка – одного из тех, кто когда-то оговорил его, как оказывается. При этом, узнав правду, Свен Эльверссон даже не сожалел

ет о том, что страдал безвинно, лишь испытывает счастье и облегчение. Страдания и служение другим сделали его личностью и приблизили к христианским ценностям, можно сказать, к нравственному идеалу. Образ этого «положительно прекрасного человека» порождает ассоциацию с романом Ф.М. Достоевского «Идиот». У Достоевского герой, воплощающий в себе христианское, идеальное начало, в конечном итоге окончательно погружается в болезнь и, таким образом, «уходит» из социума, из мира. В определённом смысле сходной с этим была и концепция пути другого героя-христианина – Алёши Карамазова, который, по замыслу автора, должен был поддаться соблазну насильственной борьбы со злом и окончить жизнь на эшафоте (таков был по крайней мере один из вариантов финала неоконченного романа [14, 15]). У С. Лагерлёф Свен Эльверссон умирает: его сердце не выдерживает потрясения. В духовном смысле он прошёл путь «от смерти к жизни», но в смысле физическом – наоборот. Всё это заставляет вспомнить слова толстовской Наташи о князе Андрее: «Он слишком хорош, чтобы жить». **Идеал не может существовать в реальной действительности**, не «вписывается» в неё как в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, так и в романе С. Лагерлёф.

С «воскресением» героя связано и **отношение к нему окружающих**. В «Преступлении и наказании» конфликт героя с миром определяется тем, что он переступил черту, отделяющую его от людей, живущих в христианской системе ценностей, будь то даже каторжники. Лишь когда Раскольников приходит к осознанию того, что теперь он примет мировоззрение Сонечки, конфликт разрешается примирением, соседи по бараку начинают смотреть на Раскольникова без прежнего отчуждения и вражды. Концепция Достоевского построена на том, что люди сначала чувствуют в главном герое нечто враждебное, антихристианское, а потом это негативное начало уходит, что и становится причиной гармонизации отношений героя с социумом. В романе С. Лагерлёф, в отличие от «Преступления и наказания», дело не столько в трансформации психологии главного героя, сколько в *изменении мировосприятия окружающих* его людей. Их не тронула честная и упорная работа Свена Эльверссона, ничего не исправило и его смирение, зато *решающее влияние на людей, на их взгляды и чувства оказала Первая мировая война*. Они постепенно стали понимать, что грех неуважения к смерти (т. е. людоедство, в котором был обвинён Свен Эльверссон) – это гораздо меньшее преступление, чем грех неуважения к жизни (т. е. война, губящая множество лю-

дей). В концепции С. Лагерлёф, таким образом, **идея нравственного возрождения человека неразрывно связана с пацифистским пафосом**, который особенно силён в финале романа.

Судьба Свена Эльверссона – это не единственный вариант духовного возрождения личности в романе «Отлучённый» / «От смерти к жизни». Прорицательница Лотта Хедман освобождается от своих сомнений и тревог, вновь обретает дар ясновидения и душевное равновесие *через искупление вины* перед своей подругой Сигрун, которой она когда-то отказалась помочь, а потом жалела об этом. Ещё один герой, прошедший путь к «воскресению», – это Ронге. Он потомок рода, над которым тяготеет проклятие из-за произошедшего когда-то убийства священника. Ради искупления этого семейного греха Ронге решает сам стать священником и честно исполняет свой долг, но это не помогает ему найти успокоение и гармонию с собой и миром. Он ищет счастья в браке с прекрасной, чистой и увлечённой высокими помыслами Сигрун, но семья разваливается из-за разрушительной ревности Ронге, который искренне любит жену, однако в душе всё время чувствует неуверенность в том, что она может всецело принадлежать ему. Ронге обретает внутреннюю гармонию и цельность, примиряется с действительностью лишь тогда, когда прощает Сигрун, которая заставила мужа поверить, что она умерла, на самом же деле бежала из дома, а впоследствии ушла к Свену Эльверссону. Проявляя милосердие по отношению к жене и к сопернику – к людям, причинившим Ронге глубокие страдания, он преодолевает собственные разрушительные эмоции и становится настоящим христианином, тогда как прежде был им лишь формально.

Важно также отметить, что в романе С. Лагерлёф, как и у Ф.М. Достоевского, **духовное возрождение человека связано с его приближением к христианской этике**, в которой ключевым понятием является *любовь к ближнему*, не ограниченная никакими обстоятельствами: ни личными качествами этого ближнего, ни прежними конфликтами с ним, ни чем-либо иным.

Раскольников изначально сочетает в себе практически нищенское презрение к слабым людям и, с другой стороны, сочувствие к ним. Однако последнее не удерживает его от антихристианского поступка, поскольку он полагает, что сильный человек вправе решить судьбу другого. Носителем противоположного взгляда является Соня, для которой априори существует этическая равноценность людей. Опорой этому её убеждению служат вера и безусловное следование заповеди о любви к ближнему. В одном

из ключевых эпизодов романа Раскольников выстраивает «экспериментальную» ситуацию, с тем чтобы убедить Сонечку в своей правоте – в том, что иногда просто приходится решать чью-либо судьбу: нет иного выхода. Он предлагает героине представить, что она заранее знает о намерении Лужина её оклеветать (из-за чего может погибнуть её семья) и что от неё зависит, кому жить: Лужину или Катерине Ивановне с детьми. Для самого Раскольникова этот вопрос решается логически: имеет смысл принести в жертву плохого человека, чтобы спасти хороших людей. Сонечка же, отказываясь быть «судьёй», исходит из совершенно иной предпосылки: для неё люди равны перед Высшим Судьёй, поэтому лишь Он вправе решать вопросы жизни и смерти, определять судьбы. Перед нами этика атеиста и этика верующего человека – две разные «системы координат». И смысл эволюции взглядов Раскольникова в эпилоге к роману заключается в том, что герой если и не пришёл ещё к христианской вере (только взял в руки Евангелие), то пришёл к христианским принципам и чувствам, которыми жила Соня: «Разве могут её убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Её чувства, её стремления по крайней мере...» [16, с. 422] – так автор представляет читателю «воскресение» героя.

Что касается Свена Эльверссона, то выше уже говорилось, что его путь «от смерти к жизни» связан с бескорыстным служением людям, с милосердием и братской любовью ко всем, что и является одной из этических опор христианства. Окончательное его освобождение от морального груза наступает тогда, когда он проявляет благородство и самоотверженность, чтобы убедить окружающих по-христиански похоронить тело погибшего английского моряка – как оказывается впоследствии, одного из тех, кто его оклеветал. Именно у этого моряка обнаруживается письмо, где говорится о невиновности Свена Эльверссона, – т. е. *героя освобождает от страданий проявленное им милосердие по отношению к тому, кто причинил ему зло*. В этом реализуется спасительный смысл христианской заповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим вас, молитесь за злословящих вас и преследующих вас» (Евангелие от Матфея, 5: 44). Точно так же и Ронге удаётся обрести душевный покой, когда он отказывается от мести жене и счастливому сопернику и от ветхозаветного «око за око» приходит к евангельскому «любите врагов ваших». Сюжет романа выстроен так, что в начале повествования этот герой в своей проповеди рассказывает всем о «преступлении» Свена Эльверссона, хотя на

тот момент их личные интересы никак не пересекались, в их отношениях не было враждебности или хотя бы напряженности, а в конце романа Ронге в проповеди же поддерживает и защищает Свена Эльверссона, хотя к тому времени они уже включены в «любовный треугольник» и их интересы сталкиваются, причём весьма драматично. Этот сюжетный ход позволяет писательнице подчеркнуть эволюцию характера и мировоззрения Ронге, а также ещё раз выразить ту идею, что *христианские принципы делают более светлой жизнь самого их носителя*. По мысли автора, когда Ронге отступает от христианского мировоззрения, он и сам переживает несчастье – теряет семью и любовь, которые были так важны для него, а в финале произведения, когда он становится христианином не на словах, а на деле, то он вновь обретает утраченное: после смерти Свена Эльверссона к священнику возвращается Сигрун и признаёт, что её первая любовь к Ронге, несмотря ни на что, оказалась сильнее других чувств и обстоятельств. С. Лагерлёф в разных вариантах художественно реализует важную для неё *дидактическую идею: добро порождает добро*. Не случайно в одном из интервью писательница говорила, что ценит **милосердие превыше других добродетелей** (об этом идёт речь в статье Л. Брауде [17]). Эта точка зрения выражена и в других её произведениях.

В «Легенде о рождественской розе» речь идёт о чуде как проявлении божественного милосердия: в Рождество лес, где скрывается семья разбойника, расцветает удивительными цветами, и в нём поют ангелы. Когда свидетелями волшебного преобразования природы становятся аббат Иоанн и послушник, то последний принимает происходящее за наваждение – в результате чудесное цветение леса прекращается, а аббат Иоанн, который искренне верил в рождественское чудо, умирает от потрясения. Речь здесь идёт *не о проблеме веры и неверия, а, скорее, о милосердии и справедливости*: послушник не сомневается в существовании Бога, но он не верит в то, что Бог может даровать чудо недостойным людям – разбойникам. Это переворачивает его понятие о справедливости: «Не может быть, чтобы истинное чудо открывалось каким-то злодеям» [18, с. 40]. Можно сказать, что он верит в сверхъестественное, но не верит в милосердие, считая, что высшие силы представляют, прежде всего, справедливость. Именно это и становится причиной драмы. Противоположная мировоззренческая позиция воплощена в образе аббата Иоанна, который не просто уверен в милосердии Божьем, но и считает, что люди тоже должны следовать

этому принципу. Когда архиепископ, рассуждающий, аналогично послушнику, с точки зрения справедливости, говорит, что разбойнику не место среди честных людей, то аббат отвечает: «Раз Господь проявляет к ним милосердие, негоже людям отворачиваться от них» [18, с. 21.]. И его отношение к людям порождает новое чудо: из корешков, которые ему в последние минуты жизни удалось откопать в рождественском лесу, вырастает прекрасный цветок, увидев его, архиепископ смягчается и отпускает грехи разбойнику. Идея противостояния милосердия и справедливости в этом произведении реализована за счёт антитезы в системе образов, причём интересно, что противопоставлены друг другу не священник и разбойник, а *разные типы представителей религиозного менталитета*. С. Лагерлёф показывает, что формальное и догматическое истолкование христианских законов не приближает человека к высшим ценностям, а отдаляет от них. Та же самая мысль была выражена С. Лагерлёф в рассказе «Изгой», где следование справедливости, противоречащей милосердию, приводит к гибели одного героя и страданиям другого.

Мысль о том, что обычный человек, пусть даже совершивший грех, может быть ближе к Богу, чем тот, кто формально соблюдает все христианские законы и обряды, выражена С. Лагерлёф и в «Легенде о рождественской розе», и в романе «Отлучённый», где в характерах Свена Эльверссона и Сигрун Ронге гораздо больше христианского, чем в душе священника Ронге в начале повествования. Идея «святого в грешном» тоже представляет собой отсылку к роману «Преступление и наказание», где олицетворением христианских ценностей стала Сонечка, формально преступившая религиозный закон. Интересно, что Достоевский, для которого понятие христианской нормы было исключительно важно, не дал в этом романе образов служителей церкви. Это свидетельствует о том, что в его представлении истинные христианские ценности существуют, прежде всего, в душе человека, как впоследствии показала и С. Лагерлёф.

Ещё один вариант решения проблемы милосердия в форме сказочных образов и сюжетных ходов – **новелла С. Лагерлёф «Подменьш»**, где женщина-крестьянка спасает и защищает детёныша троллей, которого ей подкинули вместо её собственного ребёнка. Писательница выстраивает ситуацию таким образом, что в героине проявляется не любовь и даже не привязанность к «подменьшу», а именно милосердие. Она не позволяет никому причинить зло этому существу, хотя явно не любит его и тоскует по

своему сыну. «Но уж такой она уродилась: когда на её пути вставал кто-нибудь, кого все ненавидели, она старалась изо всех сил прийти бедняге на помощь» [19]. Сюжет организован так, что героиня проходит целый ряд испытаний: сначала её осуждают соседи, затем даже работники начинают её презирать и сторониться, в конечном итоге её оставляет муж – самый дорогой для неё человек. И даже такая потеря не заставляет её отказаться от милосердия. Неожиданный финал повествования дан в новеллистическом духе: оказывается, что именно проявленное героиней доброе отношение к чужому и чуждому существу мистическим образом спасло её собственного сына, который в итоге возвращается к ней. В построении сюжета этой новеллы есть сходство с событийной линией романа «Отлучённый»: и там, и здесь герой / героиня сначала всё теряет в жизни, но не отказывается от христианского принципа любви не только к ближнему, но даже к врагу, жертвует собственными интересами ради ближнего и в конце концов вновь обретает утраченное. *Способность к самопожертвованию* выделяет героев из общего ряда, *делает их личностями* в самом полном смысле слова, и это заставляет нас вновь вспомнить о Достоевском, который писал: «... сознательное и никем не принуждённое самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак величайшего развития личности, высочайшего её могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли» [20, с. 79].

Произведения С. Лагерлёф и Ф.М. Достоевского объединяет также **тема любви как спасительного начала**. В «Преступлении и наказании» и в романе «Отлучённый» / «От смерти к жизни» в основе любовной интриги лежит концепция особого развития отношений: они начинаются с христианской любви к ближнему и постепенно выливаются в любовь между мужчиной и женщиной. Ф.М. Достоевский показывает, что Раскольников, который «как будто ножницами отрезал» себя от всех окружающих, тем не менее рассчитывает на понимание со стороны хотя бы одного человека – Сони, поскольку она «тоже преступила». Соня же не принимает его убеждений, но видит в нём собрата по нравственным страданиям. Её сочувствие к этому человеку порождает духовную близость, которая влечёт за собой чувство ответственности за его судьбу, и невозможно чётко определить ту черту, за которой оно уже сопрягается с любовью. В конце эпилога читатель видит, что и для Раскольникова Сонечка тоже стала не только воплощением сочувствия и понимания, даже не только персонификацией хри-

стианского начала его собственной души, но и любимой женщиной, без которой он теперь не мыслит своей жизни. Достоевский даёт в эпилоге несколько символических ситуаций, призванных эксплицитно идею нравственного «пробуждения», «воскресения» героя: это третий сон Раскольникова, последовавшее за ним выздоровление от лихорадки, преодоление конфликта героя с остальными каторжниками и, наконец, его объяснение в любви к Сонечке, когда он стоит перед ней на коленях и со слезами целует её руки. При этом важно отметить, что именно последнее становится наиболее «ярким» шагом к освобождению Раскольникова от власти прежней идеи. Когда он думает о том, что отныне примет мировоззрение Сони, то субъективно воспринимает свою духовную эволюцию именно через призму любви. И этим мотивированы слова автора о любви как воскрешающей силе.

Если мы обратимся к роману С. Лагерлёф, то в нём история любви Сигрун Ронге к Свену Эльверссону *начинается тоже с проявления милосердия*. Он с самого начала испытывает к ней самые нежные чувства, правда, без всякой надежды на взаимность. Она же лишь жалеет человека, отвергнутого всеми, и из сочувствия говорит ему, что, в отличие от остальных, не испытывает к нему отвращения, – уже одно это становится для героя поддержкой и стимулом к жизни. В дальнейшем же судьба сталкивает этих героев вновь (отметим, что в построении сюжета С. Лагерлёф вполне в духе Достоевского допускает известную долю условности, когда не раз сводит тех или иных персонажей в одно время и в одном месте, мотивируя это различными случайностями и совпадениями), и Сигрун проникается не просто благодарностью и уважением к доброте и великодушию Свена Эльверссона, но и любовью к нему. Для главного героя это даже больше, чем любовь, – это ещё и признание его человеческого достоинства, его права на этическую равноценность с другими людьми. Как видим, эта ситуация во многом напоминает то, что происходило в романе Ф.М. Достоевского с Соней, которая со стороны окружающих ожидала лишь унижения, поэтому любовь Раскольникова стала для неё воскрешающей силой.

Итак, как показывает сопоставление философско-этических концепций произведений Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф, «Преступление и наказание» стало претекстом романа «Отлучённый» / «От смерти к жизни», причём в образе Свена Эльверссона писательница воплотила черты обоих главных героев Ф.М. Достоевского: Раскольникова и Сони.

Список литературы

1. Юнгрен Магнус. Испепеляющая страсть к России – как русская литература стала шведской. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://perevodika.ru/articles/22655.html> (дата обращения: 30.04.2016).
2. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980. 324 с.
3. Брауде Л. Сельма Лагерлёф и мир её творчества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения: 01.05.2016).
4. Леонова Е.А. Литературы Скандинавских стран (конец XIX – начало XX века) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm (дата обращения: 29.04.2016).
5. Иванов А.Н. Русские писатели как константы шведской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/> (дата обращения: 29.04.2016).
6. Кобленкова Д.В. Элементы агиографического канона как метажанровой структуры в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» и одноимённой экранизации М. Стиллера // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 862–865.
7. Иванов А.Н. Сельма Лагерлёф и русская культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (дата обращения: 29.04.2016).
8. Давлетшина Е. Сельма Лагерлёф [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (дата обращения: 29.04.2016).
9. Кобленкова Д.В. Проза С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы (к постановке проблемы) // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог («Третьи Конкинские чтения»): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (11 ноября 2015 г., г. Саранск). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 163–168.
10. Кобленкова Д.В. Философская проза С. Лагерлёф. Социально-христианская идея и формы вторичной условности в повести «Возница» // Грехневские чтения. Словесный образ и литературное произведение: Сб. науч. трудов. Вып. 6. Нижний Новгород, 2010. С. 255–260.
11. Лагерлёф С. От смерти к жизни / Пер. со швед. Е.Н. Благовещенской. Петроград: Изд-во «А.Ф. Маркс», 1924. 300 с.
12. Джексон Р.Л. Сон Дмитрия Карамазова про «дитё»: прорыв [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/101/dzh13.html> (дата обращения: 13.05.2016).
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14–15.
14. Волгин И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. М.: Сов. писатель, 1991. 544 с.
15. Соколов Б. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Иди-

от. Бесы. Братья Карамазовы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.

16. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 424 с.

17. Брауде Л. Сельма Лагерлёф и мир её творчества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения: 26.05.2016).

18. Лагерлёф С. Легенда о рождественской розе / Пер. Мязотс О.Н. СПб.: Речь, 2014. 48 с.

19. Лагерлёф С. Подменьш [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/lagerlef_selma/podmenish.html (дата обращения: 5.05.2016).

20. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 46–98.

THE WAY «FROM DEATH TO LIFE» («CRIME AND PUNISHMENT» BY FYODOR DOSTOYEVSKY AND «THE OUTCAST» BY SELMA LAGERLÖF)

O.S. Sukhikh

This article presents a comparative study of the novels «Crime and Punishment» by Dostoyevsky and «The Outcast» by Lagerlöf. The aim of the study is to reveal parallels in philosophical and ethical issues of the two works, in the characters and in their evolution by means of a comparative-typological method of research. The author comes to the conclusion that many of Dostoyevsky's problems and ideas are reinterpreted in the novel by Lagerlöf. In particular, we can see some similarities in the understanding of Christian ethics, the relation between the categories of justice and mercy, the problem of a person's spiritual renovation, the interpretation of love as a resurrecting force. The protagonist in the novel by Lagerlöf combines the features of both main characters in «Crime and Punishment» – Raskolnikov and Sonya Marmeladova.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, Selma Lagerlöf, Christianity, mercy, ethics, crime, spiritual renovation.

References

1. Yunggren Magnus. Ispepelyayushchaya strast' k Rossii – kak russkaya literatura stala shvedskoj. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://perevodika.ru/articles/22655.html> (дата обращения: 30.04.2016).

2. Sharypkin D.M. Skandinavskaya literatura v Rossii. M.: Nauka, 1980. 324 s.

3. Braude L. Sel'ma Lagerlyof i mir eyo tvorchestva. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения: 01.05.2016).

4. Leonova E.A. Literaturny Skandinavskih stran (konec XIX – nachalo XX veka) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm (дата обращения: 29.04.2016).

5. Ivanov A.N. Russkie pisateli kak konstanty shvedskoj kul'tury [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/> (дата обращения: 29.04.2016).

6. Koblenkova D.V. Ehlementy agiograficheskogo kanona kak metazhanrovoj struktury v povesti S. Lagerlyof «Den'gi gospodina Arne» i odnoimyonnoj ehkranizacii M. Stillera // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2). S. 862–865.

7. Ivanov A.N. Sel'ma Lagerlyof i russkaya kul'tura. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (дата обращения: 29.04.2016).

8. Davletshina E. Sel'ma Lagerlyof [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (дата обращения: 29.04.2016).

9. Koblenkova D.V. Proza S. Lagerlyof i tradicii russkoj klassicheskoy literatury (k postanovke problemy) // Russkaya literatura v inoyazychnom kul'turnom prostanstve: monolog, dialog, polilog («Tret'i Konkinkie

chteniya»): Sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (11 noyabrya 2015 g., g. Saransk). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. S. 163–168.

10. Koblenkova D.V. Filosofskaya proza S. Lagerlyof. Social'no-hristianskaya ideya i formy vtorichnoj uslovnosti v povesti «Voznica» // Grekhnevskie chteniya. Slovesnyj obraz i literaturnoe proizvedenie: Sb. nauch. trudov. Vyp. 6. Nizhnij Novgorod, 2010. S. 255–260.

11. Lagerlyof S. Ot smerti k zhizni / Per. so shved. E.N. Blagoveshchenskoj. Petrograd: Izd-vo «A.F. Marks», 1924. 300 s.

12. Dzhekson R.L. Son Dmitriya Karamazova pro «dityo»: proryv. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/1999/101/dzh13.html> (дата обращения: 13.05.2016).

13. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. L.: Nauka, 1976. T. 14–15.

14. Volgin I.L. Poslednij god Dostoevskogo: Istoricheskie zapiski. M.: Sov. pisatel', 1991. 544 s.

15. Sokolov B. Rasshifrovannyj Dostoevskij. Tajny romanov o Hriste. Prestuplenie i nakazanie. Idiot. Besy. Brat'ya Karamazovy. M.: Yauza, Ehksmo, 2007. 512 s.

16. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie // Dostoevskij F.M. Sobraenie sochinenij: V 30 t. L.: Nauka, 1973. T. 6. 424 s.

17. Braude L. Sel'ma Lagerlyof i mir eyo tvorchestva [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения: 26.05.2016).

18. Lagerlyof S. Legenda o rozhdestvenskoj roze / Per. Myaehots O.N. SPb.: Rech', 2014. 48 s.

19. Lagerlyof S. Podmenysh. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/lagerlef_selma/podmenish.html (дата обращения: 5.05.2016).

20. Dostoevskij F.M. Zimnie zametki o letnih vpechatleniyah // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. L.: Nauka, 1973. T. 5. S. 46–98.